

**Хомякова О.Р., доцент кафедры русской и
зарубежной литературы БГПУ имени М.Танка**

Общее понятие о стиле

В романе «Нарцисс и Гольдмунд» Герман Гессе дает свое определение науки: наука есть не что иное, как «одержимость находить различия». По мнению Гессе, «найти в человеке признаки, отличающие его от других, значит познать его». Категория, которой пользуются ученые, чтобы выявить своеобразие человека, называется стиль. «Индивидуальный стиль писателя мы рассматриваем как центральное понятие поэтики», - писал Я.Е. Эльсберг (1, с.35).

Понятие стиль востребовано в различных областях знания и в различных видах деятельности. Можно говорить, например, о стиле политического деятеля, стиле руководства, стиле в моде, стиле ученого, стиле писателя и т.д. И везде под стилем понимается примерно одно и то же. Стиль – это своеобразие, единство, цельность, предсказуемость.

Стиль – это некое своеобразие, то, что отличает данного субъекта от другого.

К. Чуковский утверждал: «Каждый писатель для меня вроде как бы сумасшедший. Особый пункт помешательства есть у каждого писателя, и задача критики в том, чтобы отыскать этот пункт».

Стиль - это единство, то общее, повторяющееся, характерное, что присуще данному субъекту, что делает его самим собой.

Наличие устойчивых узнаваемых свойств, неизменно воспроизводящихся в каждой клеточке произведения, позволяет по первым страницам книги судить о целом, а по первому впечатлению от незнакомого человека «узнавать» его: «Ты чуть вошел, / Я вмиг узнала», - так Татьяна рассказывает о возникновении своего чувства к Онегину. Любовь с первого взгляда возможна для людей, видящих в единичном проявлении то целостное единство, в котором и состоит неповторимое своеобразие человека. Поллюбить человека – значит принять его во всей полноте его бытия. Таинство любви необъяснимо рационалистически именно потому, что объяснение предполагает расчленение на составные элементы, а любовь, как и стиль базируется на идее единого целого. Потому Гете утверждал, что стиль «покоится на глубочайших твердынях познания, на самом существе вещей, поскольку нам дано его распознавать в зримых и осязаемых образах» (2).

Стиль - это цельность, соответствие элементов друг другу, вследствие чего не соответствующее данному стилю начало сразу воспринимается как чужеродное («Есенин не мог так написать», или «Подобные решения не в стиле данного политика»);

Стиль – это предсказуемость, ожидаемость. Зная стиль данного субъекта, мы можем предугадывать, например, приемы, к которым он может прибегнуть в той или иной ситуации. Характерные для данного автора свойства так или иначе заявляют о себе на протяжении всей его

деятельности, что делает его предсказуемым. Мы не знаем, о чем будет новый роман В. Пелевина, но особенности творческого почерка писателя в этом пока неизвестном читателю произведении обязательно дадут о себе знать. Равным образом, знание стиля руководства президента компании или страны позволяет предугадать его реакцию на то или иное политическое событие. А студент, без особого труда может предусмотреть, как отнесется экзаменатор к нестандартному ответу.

В чем специфика стиля как категории литературоведческой науки? Является стиль категорией содержания или категорией формы – вот первые вопросы, на которые должен ответить исследователь, стремящийся найти в теории стиля руководство к действию. Анализ стиля конкретного автора невозможен без понимания того, в чем искать индивидуальное своеобразие – в форме или в содержании.

Казалось бы, ответ очевиден: писатели отличаются друг от друга как идеями, так и формой воплощения идей. Именно такой ответ дается в «Основах теории литературы» Л. Тимофеева (3).

В реальности индивидуальное своеобразие автора состоит не столько в открытой им истине (истинах) о мире, сколько в способе освоения этих истин, характере их комбинирования, степени приближения к общечеловеческим идеям и идеалам. Писатели-классицисты имели определенные основания утверждать, что главные художественные открытия совершены в античности, а последующие поколения лишь развивают идеи предшественников. А. Бюффон, автор знаменитого афоризма «Стиль есть сам человек», так комментировал свою мысль: «Знания, факты и открытия легко расхищаются, заимствуются (...). Все эти вещи – вне человека, а стиль – это и есть человек. Стиль нельзя ни похитить, ни заимствовать, ни исказить» (4). По Бюффону, человека нельзя отождествлять с идеями, носителем которых он является. Идеи приходят и уходят, идеей одного может воспользоваться другой. Да и так ли легко индивидуальное открытие вычленяется из всеобщего достояния? Стиль – то, что не столь легко отторгается от субъекта, как мысль.

Данный человеку от природы тембр голоса или почерк трудно имитировать. Стиль – это индивидуальный почерк художника, по которому знатоки узнают автора, о чем бы он ни писал. Само слово «стиль» в Древней Греции и Риме служило для обозначения острой палочки для письма на вощеных дощечках. В исходном значении слова стиль – это то, *чем* пишут (*чем*, а не *о чем!*).

В обыденном общении привычно оценивать человека по его убеждениям. Категория стиль ориентирована на восприятие в первую очередь не мыслей, но самого человека с только ему присущей духовной структурой. Что касается мыслей и идей, то они значимы лишь постольку, поскольку раскрывают духовную природу личности, «тело смысла» (по удачному выражению П. Риккерта). Ю.М. Лотман полагал: «Одно и то же жизненное содержание может быть (...) передано несколькими способами, причем каждый из них образует замкнутую систему – стиль» (5, с.143).

По сути дела индивидуально присущий писателю образ мира создается при условии наличия стиля. Нет стиля, нет и писателя. В этом смысл замечания А.П. Чехова о том, что писатель начинается со стиля. Хотя вопрос о том, что первично – стиль или образ – вряд ли можно исчерпать чеховским афоризмом. Модельеры хорошо знают, что безвкусно одетый человек, как правило, бессистемно объединяет разнородные вещи, тогда как в первую очередь следовало бы искать образ, в котором бы хотелось явиться миру. Так и писатель несет в себе образ своего видения мира, который воссоздается средствами стиля и, благодаря им, материализуется.

Термин стиль (художественный) может использоваться в разных значениях:

- а) стиль отдельного произведения;
- б) стиль писателя (примем во внимание, что в течение творческого пути писателя стиль может претерпевать весьма существенные изменения: стиль раннего Л.Толстого по многим параметрам опровергается стилем Л.Толстого последних лет жизни);
- в) стиль литературных направлений (при всей индивидуальной неповторимости романтики имеют ту стилевую общность, которая отличает их, например, от классицистов или сентименталистов);
- г) стиль эпохи.

В наше время внимание исследователей направлено преимущественно на стиль писателя. Между тем индивидуальные стили писателей – плод длительного исторического развития. На первых этапах развития литературы ценилось не индивидуально неповторимое видение мира, а следование общепринятым образцам. Писатель демонстрировал знание правил, норм, законов творчества. Для характеристики древнерусской литературы целесообразно использовать слово стиль в самом широком его смысле – стиль эпохи. Д.С. Лихачев, впервые исследовавший историю древнерусской литературы с точки зрения стилей эпох, пишет: «Стиль эпохи возникает по преимуществу в те исторические периоды, когда восприятие произведений искусства отличается сравнительной негибкостью, жесткостью, когда оно не стало еще легко приспосабливаться к переменам стиля. С общим ростом культуры и расширением диапазона восприятия, развитием его гибкости и эстетической терпимости падает значение единых стилей эпохи и даже отдельных стилистических течений» (6, с.69). Д.С. Лихачев выделяет стиль монументального историзма (X – XIII вв.), экспрессивно-эмоциональный стиль (XIV-XV вв.), стиль психологической умиротворенности (XV в.), стиль второго монументализма (XVI в.).

И в поэтике XVIII в. индивидуальные стили Державина, Радищева, Карамзина, Крылова, Фонвизина формируются с соблюдением определенных условий, когда «выбор стиля изначально задан – однозначно закреплен за темой и жанром» (5, с.144). Фактически соотносительность стиля с темой и жанром сохраняется до сих пор, но уже не в качестве жесткого регламента, а с сознанием разумной целесообразности.

С.Н. Сакулин свое определение стиля дает с учетом этого обстоятельства: «Стиль – это своеобразие, отличие данной формы от других, ей аналогичных» (7, с.140). Характеризуя стиль пушкинской оды «Вольность», мы исследуем, какими особенностями ода Пушкина отличается от оды Ломоносова и Державина.

Таким образом, понять стиль – значит понять принципы, по которым организуется художественная форма. «Стиль – это доминанта художественной формы, ее организующая сила» (1, с.35). Верное понимание стиля заключается в том, чтобы в характерных особенностях языка, композиции, интонации, ритма увидеть способ художественного мышления, способ создания образа.

По Я. Мукаржовскому, доминантой «является тот компонент произведения, который приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов» (8, с.63). Именно стиль как доминанта художественной формы «приводит в движение и определяет отношения всех прочих компонентов». Стиль – тот общий закон, принцип воссоединения различных компонентов, определяющий необходимость одних и недопустимость других.

Если вычленишь и охарактеризовать слагаемые стиля относительно нетрудно, то осмысление общего закона, принципа их взаимодействия представляет значительную сложность даже для состоявшегося исследователя. Можно интуитивно чувствовать единственность того слова или, скажем, ритмического рисунка, который выбирает писатель, но объяснить, чем он руководствовался в своих предпочтениях, получается далеко не всегда. Между тем анализ стиля оправдан лишь в том случае, если постигается художественный смысл формы, то есть если в процессе исследования осуществляется переход от формы к содержанию. Разрыв формы и содержания разрушает само понятие стиля. К сожалению, ситуация, когда форма становится основным препятствием для понимания содержания, является нередкой в научных работах даже нашего времени (не говоря уже о науке времен не столь отдаленных, в которые интересовались идеологической позицией писателя, а стиль был «на задворках литературоведения», по выражению А.Чичерина).

Очень точно задачу, которая стоит перед исследователем стиля, сформулировал А. Блок: «Стиль всякого писателя так тесно связан с содержанием его души, что опытный взгляд может увидеть душу по стилю, путем анализа форм проникнуть до глубины содержания» (9, т.5, с.315).

В полном согласии с Блоком выразился его современник, оказавшийся в эмиграции русский поэт Г. Адамович: «Стиль – ведь это не только человек, стиль – это и путь к человеку» (10, с.60). Если посредством анализа стиля пролагается «путь к человеку», обнаруживающий неповторимый художественный образ мира, созданный данным автором, задача исследователя может считаться решенной.

Схематически анализ стиля писателя можно представить состоящим из двух этапов. Во-первых, рассматриваются отдельные слагаемые стиля и

выясняется художественный смысл, функция каждого. Во-вторых, стремятся обнаружить тот общий закон, по которому происходит согласование слагаемых друг с другом, чем собственно и определяется неповторимость творческого облика автора и созданного им художественного образа мира. На этом этапе определяются взаимоотношения компонентов, необходимость одних и недопустимость других и с наибольшей отчетливостью осуществляется переход от формы к содержанию, форма обнаруживается в ее содержательных интенциях.

На первом этапе исследования стиля писателя мы вычлняем и характеризуем отдельные слагаемые стиля, что само по себе непросто. Однако подлинное понимание стиля приходит в том случае, если изолированные компоненты складываются в сознании исследователя в некое единство. Очень важное признание сделал К.Федин: «Слагаемых стиля много. Трудность овладения ими заключается в том, что они лишены абсолютного существования. Ритм, мелодика, словарь, композиция не живут независимой жизнью, они связаны наподобие шахматных фигур: как нельзя двинуть пешкою без того, чтобы не изменилось положение всех других фигур на доске, так нельзя «поправить» в произведениях литературы только ритмику, только словарь, не повлияв при этом на другие слагаемые стиля. Зачеркивая слово, я меняю строй фразы, ее музыку, ее стопу, ее отношение к окружающей сфере» (11, с.344).

Чтобы постичь глубинную зависимость компонентов стиля друг от друга, нужно найти ту общую для всех «установку на выражение» (Б. Томашевский), которая руководила автором. Л. Шпитцер советовал искать «знак стиля», дающий ключ к прочтению на интуитивном уровне. В какой-то момент чтения включается то, что Шпитцер назвал «щелк» и что затем подтверждается другими моментами. П.Н. Сакулин предлагал «открыть главную доминанту стиля (...) и найти для ее обозначения выразительную формулу, слово-термин» (7, с.149).

Обнаружение устремленности всех элементов к единому центру и словесная формула этого центра – завершающий этап работы над стилем. Для стиля Л.Н. Толстого такими ключевыми формулами могут быть, например, «диалектика души», «срывание всех и всяческих масок» или «взаимопроникновение психологической детализации с эпической масштабностью». Проверка того, как действуют эти формулы на уровне каждого слагаемого стиля, позволяет сделать окончательный выбор в пользу одной из них. Под знаком избранной формулы-ключа еще раз анализируются отдельные компоненты стиля с акцентировкой их взаимодействия друг с другом.

Литература

1. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Стил. Произведение. Литературное развитие. - М., 1965.

2. Гете, И.-В. Простое подражание природе; манера; стиль / И.-В. Гете // Об искусстве / И.-В. Гете. - М., 1975.
3. Тимофеев, Л.И. Основы теории литературы / Л.И. Тимофеев. - М.: Учпедгиз, 1959.
4. Лосев, А.Ф. Понимание стиля от Бюффона до Шлегеля / А.Ф. Лосев // Литературная учеба. – 1988. - №1.
5. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. - СПб: Искусство, 1996.
6. Лихачев, Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. - М.: Высшая школа, 1989.
7. Сакулин, П.Н. Филология и культурология / П.Н. Сакулин. – М.: Высшая школа, 1990.
8. Мукаржовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. - М.: Искусство, 1994. – 606 с.
9. Блок, А. Собр. соч.: в 8 т. / А. Блок. - М.; Л., 1962. - 8 т.
10. Адамович, Г. Одиночество и свобода: литературно-критические статьи / Г. Адамович. – Санкт-Петербург, 1993. – 224 с.
11. Федин, К. Писатель, искусство, время / К. Федин. – М., 1957.